

Мой тайный запас книг на плёнке

Томас Х. Бентон

Я преподаю английскую словесность; поэтому, разумеется, люблю читать. Но, оглядываясь на свое детство, могу с уверенностью сказать, что увлекся литературой не столько когда читал книги сам, сколько когда слушал пленки, на которых их читали другие.

У моих родителей не было высшего образования, но они водили меня в библиотеку задолго до того, как я научился читать. В доме всегда было полно детских книг, и мама наверняка читала мне вслух сотни из них. Несомненно, противоударный граммофон, который я получил в подарок на Рождество примерно лет в пять, частично освободил маму от необходимости удовлетворять мои постоянные просьбы что-нибудь почитать. Мы с ней вместе обнаружили в местной библиотеке коллекцию пластинок, на которых знаменитые актеры читали стихи, пьесы и короткие рассказы.

Особенно мне запомнилось, как Бэзил Рэтбуэн читал По и Готорна. Я обожал «Хоббита» в исполнении Николя Уильямсона и слушал его десятки раз. В десять лет я открыл для себя трагедии Шекспира, прочитанные актерами Полом Скофилдом и Клэр Блум. Помню, как я поправлялся после гриппа, вновь и вновь слушая, как Энтони Куэйл читает «Сердце тьмы» Конрада. Мне и по сей день дорога сокращенная версия «Листьев травы» Уитмена, где каждый слог идет чеканной поступью, обретая новые грани смысла под набирающий обороты голос Орсона Уэллса.

Возможно, есть нечто психологически успокаивающее в том, чтобы слушать, как кто-то читает некую историю. Едва ли был хоть один день за последние тридцать лет, когда бы я не слышал каких-либо слов, записанных на пленку. Каждый вечер я ложусь спать под умиротворяющие звуки аудиокниги. Впервые у меня появился кассетный магнитофон, когда мне было около двенадцати, и я немедленно принялся переписывать библиотечные кассеты снова и снова и в итоге выучил многие классические произведения в сокращенном варианте почти наизусть.

В подростковом возрасте я одно время хотел стать профессиональным чтецом; потратил свои минимальные заработки на покупку усилителя, микрофона студийного качества, деки, стереомикшера и искусственного эха на батарейках. С помощью этого оборудования я сумел смикшировать собственное исполнение бессвязных речей Короля Лира на вересковой пустоши с записью «звуковых эффектов» грозы. Кроме того, я записал несколько коротких рассказов Эдгара По, подражая бессмертному Рэтбуэну. Вскрикивая от удара острейшей турецкой сабли при записи «Колдца и мятника» за закрытыми дверями своей комнаты, я все больше убеждал родителей, что у них уродился очень своеобразный ребенок.

Конечно, я понятия не имел, как становятся профессиональными чтецами. Для меня решающим в выборе института стало то, что он был недалеко от дома и что там платили стипендию... Уже после первого семестра я осознал, что на небольшом студенческом радио, стремившемся отражать актуальнейшие тенденции времени, нет места художественным чтецам. Институтские специалисты по искусству полемики уделяли больше

внимания дебатам, нежели декламации. Я выбрал специализацию «английский язык», что называется, за неимением лучшего. По крайней мере, я мог писать о произведениях, которые любил слушать. Пять дней в неделю я ездил в кампус на двух автобусах и метро — полтора часа в одну сторону. Но время в дороге не было потрачено впустую, потому что я получал возможность каждую неделю прослушивать одну-две неадаптированные книжки на своем плеере.

Никогда ни одному из своих преподавателей я не рассказывал, что некоторые заданные произведения «читал» через наушники в метро. Даже сегодня я прячу свою обширную коллекцию аудиокниг в шкафу. Любопытно, что бы подумали мои коллеги, узнай они, что моя интеллектуальная жизнь по-прежнему во многом обогащается благодаря звучащему слову. Слушая записи в процессе выполнения бессмысленных, но неизбежных дел, я преодолеваю в год около тридцати книг, которые иначе прочитать бы не смог. Я словно незаметно краду еще полжизни на чтение, пока занимаюсь повседневной рутинной.

Я ни при каких обстоятельствах не смогу позволить себе в ближайшие две недели читать перед сном новый роман Тома Вулфа «Я — Шарлотта Симмонс». У меня слишком много времени отнимает чтение профессиональной литературы и подготовка к занятиям. Но я вполне смогу прослушать все 25 часов романа Вулфа за завтраком, в душе, за рулем своей машины по дороге на работу и домой... Чаще всего по-настоящему хороши чтец обогащает мое впечатление от книги. Более того, некоторые произведения просто лучше подходят для восприятия на слух, нежели для чтения про себя. И одно из величайших наслаждений, которое я черпаю в преподавании английской словесности, — возможность читать студентам вслух отрывки из своих любимых книг... Может ли быть что-нибудь более увлекательное на уроках английского, чем чтение вслух сцены с могольщиками из «Гамлета» с разными акцентами студентам, которым до смерти надоели задания на монотонное чтение прозы, производящей впечатление архаичной? Насколько больше студентов увлечется литературой, услышав «Потерянный рай», звучащий во всем своем пышном великолепии, а не продираясь сквозь него в гнетущей, убаюкивающей тишине?

Конечно, я считаю, что читать глазами важно и безмолвное чтение необходимо поощрять. На каждую прослушанную мною книгу приходится десять прочитанных. Однако мне кажется, что молодежь на всех стадиях образования могла бы, как и я, познать преимущества раннего ознакомления с аудиокнигами.

В прошлом способность сосредоточиться на ничем не приукрашенном тексте в течение долгого времени во многом объяснялась отсутствием более привлекательной альтернативы. Сегодня же многие студенты — если не большинство — смогли бы осилить «Преступление и наказание», только если бы их заперли на пару месяцев в одиночной камере.

Историю нельзя отмотать назад. Нынешнее поколение студентов мыслит иначе, чем предыдущие. Но любовь к литературе на всю жизнь — это здорово, пусть даже она пришла к тебе не через молчаливое уединение с печатным изданием.

Перевод Анны Плисецкой
(«Русский журнал», www.russ.ru)